

ПРАВОВОРЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СИЛЫ ПРАВА

.....

А. В. Шпак*

Как известно, далеко не все общества относятся к демократическим, соответственно, развитое гражданское общество и наличие правового государства характеризуют современное состояние далеко не всех стран, даже если последние ориентированы на западную модель социально-экономического и политического развития. Страны Восточной Европы, включая Россию, переживающую период радикальной трансформации, находятся сегодня на качественно специфической стадии развития, которая иногда именуется транзитивным периодом.

Думается, что такой термин не совсем удачен, поскольку имплицитно содержит указание на временность, переходность состояния, неявно предполагая некую отсталость, догоняющий характер развития при определенной запрограммированности, неизбежности эволюции в сторону исторического опыта западных государств.

Согласно концепции транзитивности, Россия, как, впрочем, и остальные страны бывшего социалистического блока, шаг за шагом с неизбежностью повторяет или, по крайней мере, должна повторять все те этапы развития, которые в свое время переживали страны либеральной демократии. В то же время при более внимательном рассмотрении предмета данная точка зрения становится далеко не очевидной. По-видимому, подобный взгляд может быть более или менее оправданным относительно многих проблем институционального строительства в области политики и права, однако отсюда вовсе не следует, что направление развития и качественные характеристики состояния общества будут абсолютно совпадать с неким претендующим на универсальность западным путем строительства демократического общества, права и государства.

* Шпак Андрей Викторович — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД РФ.

Строго говоря, представления об универсальных схемах и рецептах политико-правового и социально-экономического развития общества являются не более чем идеологемой, широко использовавшейся еще во времена «холодной войны» и в критическом отношении к ним, нет ничего нового. Тем не менее необходимо отметить этот факт, поскольку недооценка данного обстоятельства способна существенно исказить понимание проблем становления силы права в современной России.

Относительно содержания такого рода проблем следует заметить, что во многом они определяются той политико-правовой ситуацией, которая сегодня сложилась в российском обществе. Существо же дела заключается в следующем. Во-первых, становление демократии в России тесно связано с процессом формирования институтов государственной власти. Именно они отличаются «опережающим» характером развития даже по отношению к процессу развития местного самоуправления, не говоря уже о свободных ассоциациях граждан, возникающих для решения тех или иных конкретных проблем или для удовлетворения коллективных интересов, как это было в свое время в Западной Европе с движением «зеленых» или с движением за предоставление равных политических прав чернокожим и «чиканос» (выходцы из Латинской Америки) в США.

Более того, опережающий характер развития формальных политико-правовых институтов государственной власти не сопровождается столь же скорым развитием институтов гражданского общества, которые позволяли бы воздействовать на власть, контролировать ее как в процессуально-нормативном плане через формальные институты, так и посредством прямого выражения общественного мнения. Десятилетняя история российских реформ дает немало примеров того, чем подобное положение дел может оборачиваться на практике: от расстрела парламента в 1993 г. до первой и второй чеченских войн.

Во-вторых, становление демократических институтов власти в России не сопровождается развитием самосознания гражданского общества, в том числе и в политико-правовой области. Кроме того, в странах Восточной Европы — и, к сожалению, наша страна здесь не исключение — идет интенсивный процесс формирования *негражданского общества* [1]. Последнее характеризуется неразвитостью представлений широких слоев граждан о неотъемлемых гражданских правах и свободах, отсутствием представлений об абсолютной ценности таких прав и т.п. Соответственно, в обществе распространяется безразличное отношение к тому, в каких формулировках гражданские права закрепляются в Конституции РФ, к тому, что они нередко нарушаются ведомственным нормотворчеством. Отсюда вытекает как правовой нигилизм, находящий практическое воплощение в неуважении граждан к закону, в пренебрежении теми возможностями судебной защиты их прав и свобод, которые существуют уже сегодня (при всем несовершенстве судебной системы таких возможностей немало), так и правовой дуализм, когда в сознании граждан присутствует установка на ценность законов, на необходимость их соблюдения, но в практике

политико-правовой повседневности поведение целых социальных групп определяется сложившимися *неправовыми* обычаями и традициями [3].

В-третьих, процесс институционального политико-правового строительства, который по логике вещей должен способствовать формированию гражданского общества, характеризуется широким «импортом лучших образцов» из правотворческого и правоприменительного опыта стран либеральной демократии, тогда как подобный опыт складывался в совершенно ином политико-культурном контексте, следовательно, применим в иных общественных условиях.

Примером тому могут послужить проекты законов о лоббистской деятельности, законов о земле и пр. Беря за образец те или иные юридические нормы стран либеральной демократии, российский законодатель не может в силу различий политико-правового опыта и политико-правовой культуры столь же легко перенести на отечественную почву процессуальные механизмы их исполнения. Более того, в отечественной политико-правовой мысли до сих пор не сложилась более или менее общепризнанная точка зрения по поводу того, как следует понимать механизм исполнения закона в плане общего права и процессуального. Именно здесь закладывается принципиальное понимание того, что следует делать на практике. Между тем это вопрос далеко не праздный: скажем, или механизмы исполнения закона создаются судебной практикой, подобно тому, как это имеет место в системе прецедентного права Великобритании и США, или на основе политико-правовых концепций, правовой экспертизы и правового обычая, как это закрепилось в праве континентальной Европы.

Специфика российского общества заключается в том, что процесс становления силы права, который по логике вещей и опыту демократических государств должен протекать как диахронический, т.е. предполагающий последовательность уровней развития силы права, в отечественных условиях может протекать только как синхронический. Иначе говоря, он предполагает развитие силы права одновременно по трем направлениям, каждому из которых соответствует один из уровней: принуждение, мера, побуждение. При определенных условиях результатом такого синхроничного развития становится появление качественно нового содержания силы права — правового сознания.

При всей кажущейся парадоксальности подобного утверждения, оно все же описывает не умозрительное, а вполне достижимое состояние общества. Суть дела заключается в том, что принуждение, мера и побуждение предполагают конституирование различных субъектов и объектов силы права, тогда как сама развитая сила права, взятая в качестве правового сознания, характеризует состояние всего общества. Думается, что именно это обстоятельство имеет решающее значение, если российское общество действительно нуждается в том, чтобы целенаправленно создавать феномен силы права.

Процесс формирования гражданского общества, процесс построения правового государства могут затягиваться на сколь угодно продолжительный пе-

риод. Развитие рыночных институтов в экономике само по себе едва ли способно ускорить дело, если само общество не поставит задачу последовательного системного «культивирования», «взращивания» силы права, сутью которого является власть права, причем власть всеохватывающая, если так можно выразиться, тотальная власть права.

Создание системы общественных отношений, общественного порядка, основанного на силе права, на наш взгляд, должно стать стратегической целью и ключевой задачей гражданского и государственного строительства. Сама же такая цель предполагает движение в двух направлениях: в первом через призму силы права должно рассматриваться правотворчество, во втором — правоприменение. Причем в обоих случаях силу права следует понимать не только как теоретический конструкт, но и как правовой принцип, основополагающую идею в правовом аспекте, и как основную ценность в аспекте политическом, т.е. установка на формирование силы права должна стать доминантой гражданской культуры. Только в этом случае процесс становления данного феномена в условиях российского общества может быть продуктивным.

При таком подходе первое, правотворческое, направление охватывает три наиболее важных области, в которых феномен силы права рассматривается в качестве правового принципа: публичное, социальное и гражданское право. Нетрудно заметить, что в двух первых областях с необходимостью присутствует государство.

Как отмечалось ранее, специфической характеристикой феномена силы права является то, что в нем имеет место совпадение субъекта и объекта в эмпирическом и их дифференциация в функционально-ролевом содержании.

В этом случае актуальным становится вопрос о том, каковы общие доктринальные контуры силы права применительно к современной России. Параметры такой доктрины могут быть дифференцированы по следующим группам: содержание, направления работы по отраслям и вопросы правоприменительной практики.

Что касается содержания, то здесь принципиально то, что теоретическое осмысление силы права должно быть тесно увязано с доктриной государственного строительства. Иными словами, для того, чтобы процесс становления силы права принял синхронический характер, следует разрабатывать доктрину правового государства с элементами социального.

Ключевой проблемой, которую необходимо разрешить в этом случае, становится преодоление не столько правового нигилизма, сколько правового дуализма в восприятии юридических норм наиболее инициативными и социально активными слоями граждан. Правовой нигилизм характерен прежде всего для маргинальных слоев, т.е. для тех, кто, по сути, меньше всего участвует в созидательной модернизации общества, тогда как правовой нигилизм — явление массовое, он свойственен социальным группам, в наибольшей степени вовлеченным в процессы социальной трансформации. В их установках восприятия

политико-правовых институтов присутствует признание необходимости соблюдать закон, с одной стороны, и убежденность в том, что в практической деятельности законопослушное поведение не позволяет успешно достигать поставленных целей в бизнесе, карьере, в сфере социальной защиты — с другой. Как видим, сутью правового дуализма служит расхождение между должным и сущим [3].

Такое негативное отношение к юридическим нормам в практической деятельности обусловлено двумя доминантными установками обыденного правосознания. Первая связана с твердым убеждением в том, что закон не является «добровольным обязательством» и выражает прежде всего волю государственной власти, причем волю обязательно персонифицированную в чиновниках, представляющих органы и учреждения этой власти, т.е. закон воспринимается в качестве орудия произвола бюрократического аппарата государственного управления. Соответственно, юридические нормы не могут служить императивами социального поведения и действия, они лишь задают некие пределы, выход за которые наказывается санкцией со стороны опять же государственной власти, а не общества.

Вторая установка связана с убежденностью в том, что общество не в состоянии взять государственную власть под контроль, последняя всегда остается доминирующим субъектом и рассматривается обыденным правосознанием как неизбежное зло, бороться с которым бесполезно, можно лишь мириться и по возможности избегать его.

В этой ситуации очень высокой субъективной значимостью обладают неформально-институциональные схемы поведения и действия, основанные на обычаях и традициях. Сегодня они же конституируются и закрепляются политико-правовой практикой [3]. Именно это и позволяет надеяться на позитивные изменения сложившегося положения дел. Однако субъектом, инициирующим формирование правового обычая, должно стать государство.

Следует заметить, что сам правовой обычай может пониматься как в узком, так и в широком смысле. В первом случае под ним понимается следование политико-правовым деонтическим установкам и принципам, не обязательно формализованным в конкретных юридических нормах, но задающим стандарты поведения и действия, согласующиеся с духом права. Во втором правовой обычай понимается как следование не просто формальным юридическим нормам, соблюдение закона представителем власти (это аксиома политической жизни в демократических обществах), но и следование более строгим нормам общественной морали и нравственности.

Примером может послужить существующее в практике многих государств правило, полагающее изначально «презумпцию виновности» власти. Смысл его заключается в том, что в двусмысленных ситуациях, если представитель власти не может привести стопроцентных доказательств своей некоррупционности, честности, доказательств того, что он ни прямо, ни косвенно не ис-

пользовал своего служебного положения, включая и материальные доходы, и уровень потребления, на что в первую очередь обращают внимание рядовые граждане, он должен покинуть свой пост по этическим соображениям. У нас в стране, как известно, ситуация прямо противоположная, обычно правоохранительным органам требуется немало усилий для того, чтобы сформулировать обвинения в адрес чиновников, чья коррумпированность является чуть ли ни очевидной для всего общества.

Итак, формирование правового поведения на основе правового обычая следует инициировать представителям государственной власти. Именно с этого шага начинается преодоление правового нигилизма и дуализма.

Другим шагом в данном направлении может послужить изменение самого содержания правотворчества. Сегодня к законопослушному поведению и действию граждане побуждаются преимущественно негативным путем, т.е. сложилась значимая установка правосознания: «не нарушай закон — не будешь подвергаться санкциям» [3], тогда как в правовом государстве имеет место позитивная мотивация законопослушного поведения и действия, находящая выражение в установке: «соблюдать закон выгоднее, чем нарушать его». Учитывая то обстоятельство, что в мотивации социального поведения и действия «выгода», т.е. успех в достижении поставленных целей, у наиболее инициативных социальных групп, активно участвующих в модернизации общества, является самой значимой (84% случаев), есть основания полагать, что такой шаг может оказаться эффективным. Тем более что у тех же социальных групп установка на соблюдение закона как должного присутствует в 87% случаев [3].

Соответственно, становление силы права в этом смысле становится задачей государственного строительства. Коль скоро мы рассматриваем правотворческий аспект проблемы, то следует очертить идеи, имеющие принципиальное значение. Так, в области публичного права становление феномена предполагает последовательное конституирование таких уровней, как принуждение и мера. Здесь речь идет о том, чтобы понять миссию государства в обеспечении силы права в качестве принуждения. В этом случае диалектика субъекта и объекта заключается в том, что государство принуждает граждан подчиняться правовым нормам в широком смысле — не только юридическим нормам, закону — в повседневной жизни, т.е. субъектом силы права является государство, объектом — гражданин. Само по себе это соображение довольно банально, если не дополнить его следующим. Одновременно с этим обществу следует принуждать должностных лиц, представляющих государственную власть, в исполнении их функциональных обязанностей подчиняться правовым принципам, или принципам-нормам, как высшим, наиболее авторитетным регуляторам деятельности в противовес ведомственным. При отправлении должностных обязанностей следует осуществлять некоторое «усечение», ограничение их гражданских прав именно в тех ситуациях, где они власть и представляют. Тогда объектом силы права становится аппарат государственной власти,

а субъектом силы права — все гражданское общество, чьи интересы выражает законодатель.

В свою очередь и сам законодатель принуждается к соблюдению правовых принципов, т.е. становится объектом силы права, на которого воздействуют органы надзора. В то же время и прямое выражение общественного мнения, апеллирующего к морали, мировоззренческим ценностям, к гражданскому долгу и ответственности, должно иметь возможность побуждать представителей любой ветви власти руководствоваться соответствующими регулятивами поведения и действия, в том числе и в своей профессиональной деятельности. То есть регулятивы морали, нравственности, гражданского долга и ответственности, не являющиеся формальными правовыми нормами, в практике правовой жизни должны стать столь же действенными установками, мотивацией принятия решений, что и закон при условии, что они не противоречат последнему.

Разумеется, речь идет не о том, чтобы подменять закон, а о том, чтобы внеправовые регулятивы, соответствуя духу права, рассматривались субъектом власти в качестве непреложных норм в тех случаях и ситуациях, которые не оговорены формальной юридической нормой — законом. При этом для представителей власти они должны быть не просто предметом свободного выбора: «хочу — следую им; хочу — нет», а служить еще и основанием для применения неформальных санкций. Скажем, публичное выражение недоверия тому или иному политику, их нарушающему, автоматически должно означать его отставку, как это принято в европейских демократических странах.

В этом, на наш взгляд, заключается суть первых шагов в направлении того, чтобы ценностно-деонтические основания силы права превратить в правовой обычай, что позволит распространить силу права на сферу политической повседневности, т.е. именно туда, где правосознание широких слоев граждан формируется как правовое сознание или, наоборот, как неправовое, например, нигилистическое. Именно с этого начинается уважение к праву вообще и юридическим нормам в частности. Формируется правовое чувство. Кроме того, такими мерами и законодатель побуждается к тому, чтобы руководствоваться в нормотворчестве общеправовыми ценностными и деонтическими установками гражданского долга и гражданской ответственности, а не интересами отдельных ведомств или групп влияния, как это нередко имеет место в настоящее время.

К сожалению, сегодня многие исследователи отмечают, что в современной России основным источником права является закон, тогда как правовой обычай, прецедент, доктринальные источники (например, заключения наиболее авторитетных специалистов по данному вопросу) практически игнорируются и не используются в качестве содержательных оснований правовых норм. Однако именно эти источники права в наибольшей степени способны отражать реальные проблемы развития общества, притом они в наименьшей степени от-

делены от обыденного сознания, поскольку не требуют каких-то специальных условий формально-процедурного и процессуального обеспечения.

Эти источники при развитой системе политико-правового просвещения и воспитания наиболее доступны для понимания носителями обыденного сознания, а значит, легко включаются в мотивацию социального поведения и действия наиболее активных социальных групп и слоев граждан. Но следует еще раз подчеркнуть, что система принуждения к соблюдению правовых норм с необходимостью должна коррелировать с системой побуждения: с соответствующими правовыми обычаями, с системой политико-правового воспитания и просвещения, с формированием своеобразной правовой идеологии, доступной для самых широких слоев общества.

Изложенные в абстрактной форме суждения необходимо дополнить пояснениями. Известно, что в правовом государстве, в демократическом обществе юридические нормы (законы) строятся по запрещающему принципу, суть которого сводится к формуле: «разрешено все, что не запрещено законом». Однако, если рассматривать эту формулу с точки зрения силы права, то следует признать, что для лиц, представляющих государственную власть, пределы их компетенции во взаимоотношениях с гражданами нужно очерчивать юридической нормой, построенной по разрешающему принципу: «запрещено все, что не разрешено законом».

В протворчестве полномочия чиновника именно как должностного лица следует определять, исходя из того, что оговорено текстом федерального, специально для него, представителя государственной или местной власти, созданного закона, и выход за эти пределы, какими бы ведомственными регулятивами или целесообразностью он ни мотивировался, априори должен рассматриваться в качестве превышения полномочий или посягательства на конституционные права граждан, даже если последние не предъявляют судебных исков по этому поводу.

В противном случае ведомственное или региональное нормотворчество, которое на практике сегодня во многих случаях «перекрывает» общегражданские права, прописанные в Конституции РФ, по-прежнему будет служить корпоративным интересам профессиональной бюрократии, представляющей политическую власть на всех ее уровнях. Достаточно вспомнить, сколько сложностей в практической жизни рядового обывателя возникало и возникает при вступлении в наследство, при прописке, при строительстве на загородных и дачных участках и т.д. Во всех без исключения случаях инстанции, требующие массу ненужных справок, заключений, разрешений и иных документов, препятствуя удовлетворению интереса гражданина, ссылаются на ведомственные нормативные акты. При этом оспаривать подобные действия можно только в суде, а непосредственная ссылка на текст федерального закона, даже если последний прямо указывает, на что может претендовать гражданин в конкретных обстоятельствах, как правило, никого не убеждает. Коль скоро далеко не каждый на-

ходит силы, время и средства судиться по конкретному поводу, столь же скоро появляется и укрепляется в широких слоях граждан убеждение в том, что закон существует только на бумаге, что никаким образом интересы обывателя он не затрагивает и что в конце концов лучше принять бюрократические «правила игры», которые по большому счету власть навязывает обществу, чтобы «не вышло себе дороже». О распространенности таких настроений в российском обществе прямо говорят социологические исследования [3].

Как уже отмечалось, спецификой становления силы права в современной России служит то, что общество не может повторять все те последовательно сменяющие друг друга уровни развития явления, которые имели место в истории. Принуждение и мера как уровни и, соответственно, этапы эволюции силы права в целом связаны с развитием законодательной базы, в том числе и по отраслям. В частности, в области публичного права существенное значение имеют те нормы, которые устанавливают формы, способы и пределы вмешательства государства в частную жизнь граждан. В этом смысле сила права присутствует в качестве явления политико-правовой культуры в большей части развитых современных государств, где юридические нормы создают объективные условия существования двух названных уровней.

Однако это еще не определяет содержание силы права во всей его полноте. В условиях строительства современного правового государства принуждение и мера становятся преходящими, исторически отжившими уровнями. Побуждение к правовому поведению и действию, напротив, становится наиболее востребованной, актуальной составляющей силы права не только потому, что представляет собой более высокий уровень развития феномена, предполагающий наличие гражданского общества, но и вследствие того, что именно на его основе конституируется сила права как правовое сознание. Последнее предполагает, что гражданин не может реализовать себя иначе, как правовым способом, поскольку он мыслит, воспринимает социальную действительность только через правовое чувство и правовые категории, в силу чего и действует в соответствии с правовыми принципами и правовыми нормами.

Разумеется, обозначенное положение вещей выглядит очень идеализированным, мало отличающимся от наивных представлений и пожеланий политико-правового романтизма, которым «переболела» в той или иной степени любая страна из числа тех, где сегодня уже создана или конституируется демократическая гражданская культура.

Тем не менее при всей «наивности» подобное состояние общества представляется возможным. Речь ведь идет не о том, что массовое обыденное сознание в одночасье должно усвоить развитый категориальный аппарат, правовые принципы, ценности и юридические нормы в строгом смысле слова. Здесь имеется в виду то обстоятельство, что категории, которыми в теоретическом плане описывается содержание силы права, могут существовать в качестве доминантных смыслообразов культуры, и это действительно имеет место в демократических

обществах. Правовые принципы могут существовать как мировоззренческие ценностные и деонтические установки обыденного сознания, а правовые нормы — как неформально-институциональные стандарты, образцы поведения и действия.

В этом плане побуждение к усвоению, интериоризации подобных смыслообразов, установок и норм культуры становится одной из ключевых задач строительства гражданского общества в современной России. Формирование культурных механизмов такого побуждения должно стать приоритетной задачей, важность и значимость которой осознается наиболее активными социальными слоями и группами, и прежде всего политической элитой.

Одним из негативных и даже драматичных последствий формирования негражданского общества во многих странах Восточной Европы, на наш взгляд, стала дискретность, разорванность и противоречивость общества. В России, как и в большинстве бывших стран социализма, де-факто оформились различные гражданские субкультуры, которые характеризуются самостоятельными, альтернативными и независимыми друг от друга наборами ценностно-деонтических установок мировоззрения и самосознания. Как следствие, в таких субкультурах оформляются типические стандарты социального поведения и действия, которые выступают в роли неформальных социокультурных институтов, плохо сочетающихся между собой. Это обстоятельство не только способствует росту социальной напряженности, но и может обуславливать дивергентный характер развития социальных слоев и групп.

Скажем, такие гражданские права и свободы, как право на судебную защиту, право частной собственности, принцип невмешательства в частную жизнь, принцип равных возможностей и т.п., актуальные и востребованные в тех общественных слоях, которые составляют элиту или хотя бы наиболее активную и образованную часть общества, оказываются актуальными и востребованными в гораздо большей степени, чем в низкостатусных, менее образованных или маргинальных слоях. Для этих социальных групп актуальными будут патерналистские установки, когда власть сама решает за граждан, в чем заключается их благополучие [2].

Если подобную тенденцию, а сегодня в России она становится очевидной, не переломить, то российское общество вполне может оказаться в ситуации, когда в рамках таких субкультур сложатся свои неформальные политико-правовые институты, совместимость которых с формальными, определяемыми конституционным строем окажется под вопросом. Тогда расхождение между должным и сущим станет роковым для общества. Достигнув критического уровня, такое положение дел способно поставить страну на грань социально-политической катастрофы, предотвратить которую можно будет только установлением авторитарного политического режима, силовыми средствами сохраняющего целостность государства.

Возможно, подобный «апокалиптический» сценарий выглядит мрачной утопией, однако практически мгновенный распад СССР, негативные последствия которого сегодня нередко признают даже самые ярые апологеты «суверенитетов» и «самостийностей», показывает, насколько скорыми и неожиданными для общества могут оказаться деструктивные процессы такого рода.

Таким образом, рассматривая процесс становления силы права в современной России, необходимо отметить негативные тенденции, суть которых сводится к возрастающей дискретности политической и правовой культуры, формированию альтернативных субкультур и конституированию негражданского общества. Здесь же следует отметить и недостаточную доктринальную оформленность, а также непредставленность в общественном сознании корпуса общезначимых правовых идей, политико-правовых ценностей, которые могли бы консолидировать обществ в целом.

Тем не менее следует признать и наличие позитивных тенденций. Так, сегодня достаточно широко обсуждаются специалистами многие системообразующие идеи — ключевые в разработке теоретического содержания силы права. Показательными примерами в этом отношении служат переосмысление избирательного и налогового законодательства, разработка нормативных актов, обеспечивающих социальную защиту населения на основе приоритетов социального государства, а не правового, дающего только формальное равенство возможностей. При всем несовершенстве конкретных юридических норм проблемы, необходимость разрешения которых и вызвало к жизни нормотворчество в этих областях, так или иначе становятся предметом внимания со стороны общества в целом.

Рассматривая происходящее с точки зрения силы права, нужно отметить, что и здесь существуют определенные доктринальные проблемы. Например, такие ключевые для силы права понятия, как «правовое существо», «идея права», «правовое чувство», «суверенитет личности» и др., до сих пор крайне недостаточно разработаны, а немногочисленные примеры их обсуждения показывают, что осмысление подобных конструктов носит либо узкопрагматический характер, интерес к ним вызван разработкой юридических норм в конкретных отраслях права, либо, наоборот, таким понятиям придается только абстрактный, предельно отвлеченный смысл, когда они остаются только умозрительными конструктами.

Исправить ситуацию, как представляется, способен подход, в котором названные ключевые для силы права понятия приобретают доктринальный смысл, становятся системообразующими идеями философии политики и философии права. В свою очередь, на их основе разрабатываются те положения, которые закладываются в общую теорию права в качестве общепризнанных ценностей и приоритетов.

Другими словами, профессиональному сообществу правоведов необходимо взять на себя задачу доктринального оформления ключевых понятий, с помо-

стью которых опредмечивается теоретическое содержание силы права хотя бы потому, что последняя способна послужить тем основанием, где формируется единая концептуальная платформа для различных отраслей права.

Но существует и другая сторона вопроса. Она связана с необходимостью преодоления «узкоцехового» толкования тех же приведенных ранее понятий. Речь идет о выходе за рамки собственно правовой теории и исследовании того, каким образом теоретическое содержание силы права и выводимые из него следствия соотносятся с пониманием политических ценностей гражданской культуры, с феноменами политической власти, политического интереса, политического участия и т.п. В этом случае встает не только проблема институционального представительства и согласования последних. Она-то в большей или меньшей степени успешно решается в большинстве современных государств. Гораздо более значимым оказывается другой аспект данной проблемы, а именно: как системообразующие идеи, «идея права», «правовое существо», «правовое чувство» и другие становятся смыслообразами культуры, на основе которых в обществе выстраивается общее понимание феноменов политической власти, политического интереса, политического участия. Данный аспект практически не исследован ни в философии права, ни в философии политики, в то время как именно здесь закладывается возможность интериоризации базовых политико-правовых ценностей различными субкультурами, существующими сегодня в российском обществе.

Если же отмеченный пробел в доктринальном осмыслении силы права будет ликвидирован, то появится возможность не просто сформулировать понимание силы права в виде политических и правовых деклараций, но и создать политико-мировоззренческую, политико-идеологическую платформу правосознания в политико-культурных ценностных основаниях, единую для всего общества.

Но необходимость разрешения этой проблемы ставит вопрос о своеобразной правоприменительной модели становления силы права на практике.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что становление силы права в современной России характеризуется наличием ряда специфических проблем. К таким проблемам относится осознание места и роли институтов государственной власти в самом процессе становления силы права. При этом ясно следует отдавать себе отчет в том, что коль скоро Россия претендует на то, чтобы оставаться в рамках цивилизованной части мирового сообщества, то вопрос о том, что собой представляет в политико-правовом институциональном плане сочетание элементов правового и социального государства, становится ключевым. Достаточно сравнить ст. 1 Конституции РФ, признающую российское государство правовым, и ст. 7, утверждающую Российскую Федерацию как государство социальное. Ответ на него позволит на доктринальном уровне прояснить, каким образом может быть преодолена ситуация правового нигилизма и правового дуализма и какова здесь роль государства,

коль скоро именно политические институты государственной власти характеризуются опережающим развитием по сравнению с институтами и самосознанием гражданского общества. Более того, о формировании последнего в нашей стране, говорить можно с большой долей условности. Некоторые исследователи считают, что в России, как и во многих других восточноевропейских государствах, складывается негражданское общество.

В отечественных условиях одним из его признаков служит то, что в правосознании различных социальных слоев сегодня существует вполне очевидный разрыв между должным и сущим в оценке юридических норм. В свою очередь, поскольку в восприятии рядовых граждан сила права на практике обнаруживает себя как власть закона, его эффективность, справедливость и авторитет, постольку существование ряда нерешенных правотворческих проблем оказывает соответствующее деструктивное воздействие на правоприменительную практику. Поэтому становление силы права в современной России предполагает параллельное продвижение в их разрешении как в теоретическом, так и в практическом плане.

Библиографический список

1. *Мартышин О.В.* Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5.
2. *Пантин В., Лапкин В.* Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // Pro et Contra. 1999. № 2.
3. *Хлопин А.* Закон в социальных представлениях «новых русских», или где проходит грань преступления? // Pro et Contra. 2001. № 3.